

8. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. СПб., 1896. Кн. 1, т. 1–2.
9. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. М., 1988. Кн. 2, т. 3.
10. Соловьев С.М. Общедоступные чтения о русской истории. М., 1992.
11. Шевчук В. Нерозгадані таємниці «Історії русів» // Історія Русів. Український переклад Івана Драча. Київ, 2003.

Об авторе

Максим Евгеньевич Мегем — асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: megem@yandex.ru

54

About author

Maxim Megem, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: megem@yandex.ru

УДК 94(420).081

И. А. Воробьев

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИСТОРИИ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ РУССКИХ В АНГЛИИ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XIX ВЕКА

Рассматриваются основные направления и исследовательские задачи в рамках изучения российской эмиграции в Англии последней трети XIX века, определяется такое важнейшее понятие, как «русская диаспора», разбираются вопросы методологии изучения социокультурной адаптации русских эмигрантов.

This article considers the basic directions and research tasks of the study of Russian emigration to England in the 1870s-1890s, defines such important concept as “Russian diaspora”, and examines the methodology of the study of social and cultural adaptation of Russian emigrants.

Ключевые слова: Англия, русская эмиграция, русская диаспора, методология, социокультурная адаптация.

Key words: England, Russian emigration, Russian diaspora, methodology, sociocultural adaptation.

Феномен российской дореволюционной эмиграции является в настоящее время объектом все более пристального внимания со стороны отечественных исследователей. Его специфика обуславливает потребность обращения ученых к ряду теоретических вопросов. В данной статье рассматриваются некоторые из них в контексте изучения социокультурной адаптации россиян в поздневикторианской Англии.

Первый вопрос относится к определению основных направлений и исследовательских задач в рамках изучения истории эмиграции. Так, А.Я. Киперман говорит о необходимости изучения факторов, способствовавших социокультурной адаптации эмигрантов, и выделяет среди них следующие: относительные политические свободы и безопасность от возможной выдачи России; удобные и короткие пути сообщения, благоприятные условия для обеспечения надежной и быстрой связи с родиной; возможность получения постоянного заработка, сравнительная дешевизна средств существования; полноправная политическая жизнь, развитое общественное движение в стране пребывания [1, с. 294].

Лондон в последней трети XIX в. удовлетворял большей части переносимых требований (за исключением, пожалуй, стоимости жизни — повсеместные жалобы на дороговизну оказываются общим местом в воспоминаниях эмигрантов), что, конечно же, в значительной мере облегчало социокультурную адаптацию членам русской диаспоры.

Академик Ю.А. Поляков, в свою очередь, видит следующие направления в исследовании истории русской эмиграции: определение правового статуса эмигрантов из России; дифференцированное изучение адаптации различных социальных и профессиональных групп эмигрантов; пути решения ими языковых проблем и преодоления психологического барьера, дискомфорта; выявление уровня их политической и общественной активности, культурной деятельности; учет отношения эмигрантов к своей родине, национальным ценностям, анализ всей суммы факторов, способствующих или препятствующих успешной адаптации [2, с. 14–18].

Важное условие успешной исследовательской работы по эмиграционной тематике — четкость ее понятийно-терминологической составляющей. В связи с этим представляется необходимым дополнить предложенный А.Я. Киперманом и Ю.А. Поляковым перечень направлений и задач первостепенной задачей определения важнейших понятий, и в частности понятия «диаспора». Разброс мнений насчет последнего в современной литературе велик — от обозначения термином всей российской эмиграции в целом до замкнутых групп эмигрантов, объединившихся по профессиональному признаку.

В.А. Тишков в статье «Исторический феномен диаспоры» отметил, что сущность диаспоры далеко не всегда обуславливается сохранением у ее представителей (особенно начиная со второго поколения) особого чувства привязанности к «исторической родине» [3, с. 14]. Данное замечание представляется малоприменимым к русской диаспоре поздневикторианской Англии, которая была образована преимущественно из мигрантов первого поколения, хорошо помнивших российские реалии и продолжавших жить в русском культурном пространстве. При всем разнообразии отношения этих людей к самодержавию почти все они за редким исключением были привязаны к своей исторической родине. Костяк русской эмигрантской колонии в Англии последней трети XIX в.

составляли политические эмигранты, для которых разрыв с исторической родиной ощущался весьма остро, так как возвращение в Россию при сохранении там действующего политического режима не представлялось для них возможным.

Таким образом, под диаспорой следует понимать более или менее устойчивую совокупность людей единого этнического происхождения, проживающую за пределами своей исторической родины. Важной отличительной чертой диаспоры является осознание ее членами своей национальной и социальной общности, а также наличие социальных и иных институтов, обеспечивающих функционирование и развитие диаспоры, ее социальную и культурную самостоятельность.

56

Русскую эмигрантскую колонию в Англии последней трети XIX в. можно считать своего рода *протодиаспорой*. Совокупность протекавших внутри нее процессов следует рассматривать как этап, предшествующий складыванию диаспоры в классическом ее понимании. Формирование институтов, призванных способствовать развитию диаспоры, еще только шло в эти годы — оно во многом и составляло процессы социокультурной адаптации эмигрантов.

Наряду с понятием «диаспора» необходимо разобраться с понятиями «российская эмиграция» и «русская эмиграция», так как от этого зависит методика подсчета численности эмигрантов. Понятие «русская эмиграция» значительно более узкое, чем «российская эмиграция». Известно, что в английском языке нет разницы между терминами «российский» и «русский», поэтому эмиграция из Российской империи обозначается с указанием на страну отбытия — «Russian emigration». Очень часто и отечественные исследователи неоправданно употребляют понятия «русская эмиграция» и «российская эмиграция» (придавая последнему национальное значение) как синонимичные.

Нужно иметь в виду, что в Англию из Российской империи на протяжении всего XIX в. эмигрировали главным образом люди нерусского происхождения, не считавшие себя русскими и не владевшие русским языком как родным. В Англии в 1901 г. насчитывалось 61 789 выходцев из Российской империи, что в 20 раз больше, чем в Австралии, но почти в 10 раз меньше, чем в США [4, р. 47]. По наблюдениям английских чиновников из Министерства торговли и Королевской комиссии по вопросам иностранной иммиграции, фактически все иммигранты, прибывавшие в Англию из России, были евреями. Исследователь Б. Гайнер даже пришел к заключению, что практически не представляется возможным выяснить, сколько всего эмигрантов из России не являлись евреями [5, р. 4]. Эти данные весьма красноречиво свидетельствуют о том, что использовать термин «русский» следует применительно далеко не ко всем участникам российской эмиграции в Англии.

Вместе с тем представители других национальностей, исторически наиболее близкие к русскому народу, даже находясь за рубежом, но продолжая существовать в рамках русской культуры и языка, также

должны включаться в категорию русской эмиграции в Англии. Так, А. И. Герцен (чья мать была немкой) или С. М. Степняк-Кравчинский (чей отец был белорусом, а мать — украинкой) идентифицировали себя как русские. Следовательно, важно учитывать факторы языка и самоидентификации эмигранта.

Таким образом, представляется вполне очевидным тот факт, что русская диаспора в поздневикторианской Англии была невелика. Ее костяк формировали политические эмигранты, относительная немногочисленность которых хорошо видна на фоне общей статистики. По данным Н. Л. Пушкаревой, в начале 80-х гг. XIX в. в вынужденном изгнании за рубежом находились около 500 человек. К началу XX в. за счет расширения социального состава политэмиграции это число возросло примерно втрое [6, с. 56]. Лондон, бывший главным центром российской эмиграции в Англии, не удовлетворял всем запросам политических изгнанников, и поэтому мог служить прибежищем лишь для небольшой доли приведенного выше общего количества эмигрантов. Немногочисленность диаспоры, а также характерные черты, присущие британскому обществу последней трети XIX в., обуславливали специфику процессов социокультурной адаптации русских эмигрантов в Англии.

Адаптационные процессы в целом имеют как общие закономерности, так и специфические особенности (по странам, сферам деятельности эмигрантов) и связаны с комплексом политических, экономических, социальных, юридических и культурных проявлений. С учетом этого представляется важной постановка второго вопроса — об адекватной методологии изучения социокультурной адаптации русских эмигрантов в поздневикторианской Англии.

Для понимания причинно-следственных связей и закономерностей формирования и развития российской диаспоры в Англии необходим историко-генетический метод. Он позволяет исследовать процессы адаптации в динамике на протяжении всего избранного исторического периода. Кроме того, названный метод значим при определении соотношения субъективного, личностного фактора (в данном случае ему соответствует совокупность усилий эмигрантов по адаптации, а также их собственные оценки и личный опыт адаптации) и объективных факторов (общие закономерности социокультурной адаптации, реакция и конкретные действия со стороны английских властей и общества).

С помощью сравнительно-исторического метода можно сопоставить аналогичные процессы, протекавшие в других диаспорах, сформированных выходцами из Российской империи (в первую очередь в еврейской диаспоре). Использование этого метода делает возможным лучшее понимание специфики социокультурной адаптации собственно русских эмигрантов, которая должна особенно рельефно проявиться на фоне отличительных черт адаптации представителей национальностей, имевших в прошлом схожий социальный опыт.

Несомненную важность имеет также историко-системный метод. Он позволяет путем интерпретации и сопоставления фактов провести углубленный анализ социально-исторической системы, каковой была русская диаспора в поздневикторианской Англии во всем своем многообразии.

Список источников и литературы

1. Киперман А. Я. Главные центры русской революционной эмиграции 70–80-х годов XIX в. // Исторические записки. М., 1971. Т. 88. С. 257–295.
2. Поляков Ю. А. Адаптация и миграция – важные факторы исторического процесса // История российского зарубежья: проблемы адаптации мигрантов. М., 1996. С. 14–18.
3. Тишков В. А. Исторический феномен диаспоры // Национальные диаспоры в России и за рубежом в XIX–XX вв. М., 2001. С. 9–44.
4. Hollingsworth B. The Society of Friends of Russian Freedom: English Liberals and Russian Socialists, 1890–1917 // Oxford Slavonic papers. New Series. 1970. Vol. 3. P. 45–64.
5. Gainer B. The Alien Invasion: The Origins of the Aliens Act of 1905. L., 1972.
6. Пушкарева Н. Л. Возникновение и формирование российской диаспоры за рубежом // Отечественная история. 1996. №1. С. 53–65.

58

Об авторе

Илья Аркадьевич Воробьев – асп., Балтийский федеральный университет им. И. Канта.

E-mail: sparoff@mail.ru

About author

Ilya Vorobyov, PhD student, Immanuel Kant Baltic Federal University.

E-mail: sparoff@mail.ru

УДК 94(438).081"1920/1921"

М. А. Манкевич

ЛИГА НАЦИЙ И ПРОЕКТ ПЛЕБИСЦИТА В ВИЛЬНЮССКОМ КРАЕ (1920–1921 ГОДЫ)

Исследуются причины провала инициативы Совета Лиги Наций по проведению плебисцита на спорной территории Вильнюсского края (1920–1921 гг.).

This article investigates the causes of failure of the League of Nations initiative aimed to organize a plebiscite on the disputed territory of the Vilnius region (1920–1921).

Ключевые слова: Литва, Польша, Лига Наций, международные отношения, Вильнюсский край, плебисцит, 1920–1921 гг.

Key words: Lithuania, Poland, League of Nations, international relations, Vilnius region, plebiscite, 1920–1921.

Утверждение в международном праве принципа самоопределения народов и наций, провозглашенного Вудро Вильсоном в знаменитых «14 пунктах», вылилось в череду плебисцитов, проведенных на оскол-